

А

М. М. СОЛОВЬЕВ

**ПЕРЕПИСКА АКАДЕМИКА К. М. ФОН БЭРА
С АДМИРАЛОМ И. Ф. КРУЗЕНШТЕРНОМ**

„Es ist einmal alles interessant und wichtig,
was den alten Herrn von Baer betrifft“.

(Moritz v. Engelhardt an Gr. v. Helmersen).

„Ein edler Mensch zieht edle Menschen an und weisst sie festzuhalten“, говорит Гете в „Torquato Tasso“. Таким человеком был Бэр. Друзьями его были многие выдающиеся люди. Из них в петербургский период жизни Бэра ближе всего к нему стояли три знаменитых моряка — адмиралы И. Ф. Крузенштерн, Ф. П. Литке и Ф. П. Врангель.

Иван Федорович Крузенштерн (1770—1846),¹ первый русский кругосветный мореплаватель, ученый и писатель, в первые же годы своей морской службы прошел серьезную боевую школу, приняв участие в нескольких кампаниях и морских сражениях со шведами и французами. Во время военных действий и сейчас же после них он совершил несколько дальних плаваний на английских военных кораблях и вернулся в Россию опытным моряком. Во время этих странствований у Крузенштерна созрел план кругосветного плавания, ближайшей задачей которого было установление экономической связи России с принадлежавшими ей в то время северо-американскими колониями. Проект Крузенштерна был утвержден, при чем ему предложили, однако, взять на суда английских матросов вместо русских, которые якобы были неспособны на такое далекое плавание. Но Крузенштерн заявил, что на основании своего опыта он считает русских матросов превосходящими по своим морским качествам англичан, и экспедиция благополучно состоялась с русскими матросами.

Путешествие Крузенштерна составило не только эпоху в истории русского флота, впервые покинувшего европейские

¹ См. П. Белавенец. Русский биографический словарь. Кнаппе-Кюхельбекер. СПб., 1903, стр. 455 (дана библиография).

воды, но и обогатило науку многими ценными сведениями. Неудивительно поэтому, что описание экспедиции, появившееся по-русски, было вскоре переведено почти на все европейские языки. Путешествие это вместе с тем дало толчок целой серии дальнейших русских научных морских экспедиций: Головнина, Коцебу, Беллинсгаузена, Врангеля, Литке, Лазарева. Все указанные мореплаватели пошли только по следам Крузенштерна, как выразился адмирал Рикорд¹ в юбилейной речи Крузенштерну.

В последующей своей жизни Крузенштерн посвятил себя, главным образом, педагогической и научной работе. Крупным реформатором морского образования он проявил себя в должности директора Морского Корпуса, переведенного к тому времени из Кронштадта в Петербург.

Но, конечно, еще выше его научные заслуги. Крузенштерн напечатал ряд трудов, главным образом, гидрографического характера, высоко оцененных не только русским, но и иностранным ученым миром. Сочинения эти дали ему звание члена Лондонского Географического Общества и многих других иностранных ученых учреждений. Крузенштерн был почетным членом и нашей Академии Наук. Знаменитейшие путешественники его времени были с ним в переписке и зачастую просили его совета. Со многими из выдающихся ученых, как, например, Гумбольдтом, у него установились очень дружеские отношения. К числу таких близких друзей Крузенштерна надо отнести и Бэра, как это видно из нижеприводимой их переписки.

Все три моряка, друзья Бэра, — И. Ф. Крузенштерн, Ф. П. Литке и Ф. П. Врангель, дожили до глубокой старости, как и Бэр. Бэр и Врангель скончались 84 лет, Литке — 85 лет, Крузенштерн прожил до 76 лет. Литке и Врангель были моложе Бэра: Литке на 5 лет, а Врангель на 4 года.

Тесные друзья, Литке и Врангель, были постоянными гостями своего третьего друга Бэра до отъезда его в 1867 году в Дерт.

¹ Петр Иванович Рикорд (1766 — 1855) совершил кругосветное плавание под начальством В. М. Головнина, которого освободил из японского плена. С 1817 по 1822 год управлял Камчаткой, где учредил больницы и школы, ввел огородничество и скотоводство. В 1828 году прославился блокадой Дарданелл, которую англичане признавали неосуществимой. Впоследствии член Адмиралтейств-Совета, председатель Морского Ученого Комитета.

Крузенштерн, бывший на 22 года старше Бэра, расстался с ним значительно раньше, скончавшись в 1846 году.

В Архиве Конференции Академии Наук среди других бумаг Бэра хранится ряд неизданных документов, характеризующих отношения Бэра к знаменитому мореплавателю.

Разбору их и посвящается эта статья.

I

Уже в Кенигсберге в 1819 году у Бэра, тогда еще 27-летнего прозектора и экстраординарного профессора медицины Кенигсбергского Университета, пробудилось, главным образом, под влиянием прочитанной биологии Тревирануса,¹ желание ознакомиться на месте с жизнью крайнего севера. С увлечением стал он изучать для этой цели историю северных путешествий. В результате своих изысканий Бэр пришел к заключению, что наиболее интересной в естественно-научном отношении областью нужно считать Таймырский полуостров, так как по его предположению страна эта, вследствие центрального положения на северном берегу Евразии, должна была бы дать наиболее ценные сведения относительно развития жизни и распространения определенных видов животных и растений на крайнем севере. Но, к сожалению, Таймыр был весьма трудно достижим, и поэтому Бэр остановился на более доступном исследовании Новой Земли и Лапландии. Однако, „кенигсбергскому профессору“, как говорит его биограф Штида, „не так-то легко было добраться и до Новой Земли“. Для этого прежде всего нужны были средства. Их, конечно, было очень трудно достать, и менее всего тем способом, каким мечтал это сделать молодой Бэр, а именно займом денег с возвратом долга после экспедиции путем продажи „натуралий“, которые он должен был собрать на Новой Земле.

Судьба в этот момент попыталась притти ему на помощь. В 1819 году Бэр получил предложение из России принять участие в двух экспедициях, которые должны были отправиться в марте 1820 года через Сибирь к Ледовитому океану. Одна экспедиция предполагала дойти до устья Яны, другая,

¹ G. R. Treviranus. Biologie oder Philosophie der lebenden Natur für Naturforscher und Aerzte. Göttingen, 1802 — 1822, Bd. I — VI.